

Глава 1

Индология в МАЭ в конце XIX — первой четверти XX в.

Собрания по культуре и этнографии народов Южной Азии в настоящее время являются одними из богатейших в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В нем сконцентрированы этнографические коллекции, относящиеся к народам практически всех стран южноазиатского региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал). Фонды его содержат более 13 тыс. предметов, характеризующих различные стороны быта и культуры местного населения. С помощью собранных в отделе экспонатов можно рассказывать об основных занятиях, жилище, одежде и пище, мировоззрении, религии и верованиях, а также об искусстве и ремеслах различных южноазиатских этносов [Краснодембская 1983].

В экспозицию «Народы Южной Азии» включена примерно десятая часть имеющихся фондов. «Индийский зал» МАЭ имеет длительную историю. О чем-то подобном мечтал еще Петр I. Он придавал важнейшее значение отношениям России с Индией. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. К сожалению, бóльшая часть этих коллекций погибла при пожаре в 1747 г. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, скорлупа (вернее, костянки) кокосовых орехов. В музейных

документах встречаются и упоминания о ранней коллекции индийских монет. После расформирования Кунсткамеры в первой трети XIX в. большинство этих предметов было передано в Эрмитаж. Те, что сохранились в Этнографическом музее (он был выделен из Петербургской Кунсткамеры в 1836 г.), уже и после его реорганизации в 1879 г. в Музей антропологии и этнографии, как о том свидетельствуют документы, оставались не атрибутированными. Поэтому их практически не могли использовать в экспозициях.

Долгое время индийские предметы хранились и выставлялись в музее, не будучи должным образом описаны и зарегистрированы. Поэтому многие сохранившиеся ранние экспонаты оказались включенными в отдельные описи с грифом «из старых собраний» уже в позднее время — в 1930-е и даже в 1940-е годы (например, коллекция № 4804 вобрала в себя около 500 старинных предметов неизвестного происхождения, а была составлена только в 1949 г.). Даже коллекция, собранная основателем русской индологической школы И.П. Минаевым (1840–1890) в его поездках по Южной Азии (№ 226), не является по-настоящему системной, так как она поступила в музей не от него самого, а после его смерти от его близких родственников в 1893 г. [Краснодембская 1983].

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Академии. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалась одним из главных аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской Академии наук Музея антропологии и этнографии. Имелось в виду изучение буддийского вероучения преимущественно у народов России. В проекте записки-обоснования прямо утверждалось, что

«упомянутые выше влияния Китая, а равно и Тибета на наших южно- и восточносибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности

этого богослужения имеют поэтому особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее. Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия, были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический Музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 31–32].

Решением Государственного Совета № 31 от 12 мая 1879 г. был создан Музей по антропологии и этнографии [Там же. Л. 14]. Директором музея был назначен академик Леопольд Иванович Шренк (1826–1894).

В июне 1886 г. Государственный Совет разрешил «*постройку нового флигеля для Библиотеки Императорской Академии по переулку подле Библиотеки Академии и насупротив здания Академических Музеев*» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1888. Ед. хр. 14. Л. 32]. В 1887 г. директор Библиотеки Академии наук академик А.А. Куник уступил помещение в верхнем этаже нового флигеля в Таможенном переулке для нового музея (над Книжным складом).

«Там в двух больших и светлых залах верхнего этажа была устроена выставка зоологических коллекций генерала Пржевальского. Особая Комиссия, назначенная Президентом ИАН графом Д. Толстым для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении Библиотеки и открытых для публики Музеев Академии, в составе академиков В. Радлова, А. Штрауха, Ф. Шмидта. А. Куника под председательством Л. Шренка, приняла решение соединить два музея» [Там же. Л. 40–47 об.].

Итак, Музей был торжественно открыт для публики весной 1891 г., тогда же был опубликован первый музейный путеводитель. И в конце того же года было подсчитано, что в МАЭ хранится уже 23 829 предметов [Музей антропологии и этнографии... 1917: 246].

«1893 г. ознаменовался тремя крупными поступлениями в Музей от барона Штакельберга из Японии и Филиппинских островов, от наследниц профессора И.П. Минаева В.П. и А.П. Шнейдер — ценное собрание, главным образом по буддизму из Непала и Бирмы (274 предм.) и от К.И. Вебера — большое собрание по археологии и этнографии Кореи (144 пр.)» [Там же. С. 247].

Надо сказать, что до конца XIX в. все еще не были выработаны до конца научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому для первоначального показа были выбраны две ступки оригинальной гоанской работы из слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и нарядный резной ящик XVIII в.

8 января 1894 г. скончался директор Музея академик Л.И. Шренк, и академик В.В. Радлов (1837–1918) был избран на должность директора МАЭ 15 марта 1894 г. С этого времени

«Музей переходит из ведения Физико-Математического Отделения в ведение Историко-Филологического. Этот переход мотивирован в постановлении Конференции тем, что “во-первых, материалы, собранные в этом Музее, больше соответствуют лингвистическим и историко-бытовым исследованиям”, и, во-вторых, что “в I Отделении Академии наук не имеется ученого, интересующегося этнографией”» [Там же].

В.В. Радлов занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Был минимален штат сотрудников музея — всего три человека (он включал директора, ученого-хранителя и служителя музея). Даже для уже скопившихся за почти два века коллекций стали малы площади (как для хранения, так и для экспонирования). Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее:

«Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2–3 об.].

Теперь в МАЭ были приняты правила регистрации новых поступлений: экспонаты заносятся в списки и сопровождаются этикетками в течение года от поступления в музей. Кроме регистрации по спискам, заведена регистрация по карточкам, причем каждую карточку стараются сопроводить фотографией или рисунком предмета. Карточки *«изготавливаются в нескольких экземплярах и распределяются не только по этническим группам, но и по культурным категориям и в порядке эволюции»* [Музей антропологии и этнографии... 1917: 249].

«Ввиду крайнего несоответствия бюджетных сумм Музея с его все разрастающимися нуждами, в 1909 г. был учрежден Попечительный Совет Музея, который специально должен был заботиться о привлечении частных средств в Музей. Успешность этого учреждения, почетным председателем которого состоит Его Императорское Высочество Князь

Александр Георгиевич Романовский, Герцог Лейхтенбергский, достаточно доказывается тем, что за четырехлетний период своего существования он принес Музею 136.000 рублей. На средства членов Попечительного Совета, между прочим, выстроен третий этаж Музея, приобретен целый ряд ценных коллекций и снаряжена экспедиция в Индию» [Там же. С. 250–251].

В 1913 г. привлечен для работы в индийском отделе д-р Гейдельбергского университета Густав Герман Христиан Мерварт. И на 1 января 1914 г. нештатными сотрудниками МАЭ числятся профессор Алексей Иванович Иванов (1878–1937) (отдел культурных стран Азии); д-р Герман Христианович Мерварт (отдел Индии) [Там же. С. 255].

Особое внимание уделено фотографическому отделу, где *«имеется специальная фотографическая мастерская, хорошо обставленная, со специальным павильоном для съемок»*, и здесь *«предпринято фотографирование всех предметов Музея»*. Задумано, чтобы каждый отпечаток был прикреплен к регистрационной карточке предмета. Организован также отдел фонограмм, *«иллюстрирующий музыку и речь первобытных народов»*. В отделе фотографий хранится 10 631 негативов, 15 099 позитивов и 1884 разных других изображений; в отделе фонограмм — 152 валика звукозаписей различных народов Сибири [Там же. С. 257–258].

Радикально меняется система сборов этнографических материалов, которая становится планомерной. Прежде музей вынужденно

«играл чисто пассивную роль приемника того, что по тому или другому случаю ему доставалось. Бывало, что поступали крайне ценные дары, как собрания Юнкера, Миклухо-Маклая, Ладыженского, Географического Общества, Музея Адмиралтейского Департамента и т.д., но все это были дары случайные. Иногда и Академия поручала своим экспедициям собирать этнографические коллекции, но все это делалось

попутно, между прочим. В силу этих условий многие собрания Музея состояли из предметов совершенно разрозненных и в научном отношении представляли сравнительно небольшую ценность». Теперь в «основу деятельности Музея положен принцип собирания путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в Музее».

Такие экспедиции предпринимались либо самостоятельно Музеем, если это позволяли его средства, либо совместно с другими учреждениями. С 1897 по 1914 г. почти ежегодно устраивалась какая-нибудь новая экспедиция: в Монголию, в Турфан и в Енисейскую губернию, в Киргизию, на Сахалин и в Манчжурию, в Якутию, Австралию, Северную и Южную Америку, в Персию и Восточную Африку, к индейцам Канады и в Мексику. И, наконец, в 1914 г. была организована экспедиция в Индию под руководством Г.Х. Мерварта.

По замыслу В.В. Радлова, Музей должен был стать крупным научным центром, где бы, с одной стороны, проводились бы планомерные этнографические изыскания, а с другой — были бы устроены содержательные экспозиции, способные служить истинно научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Он *«должен был дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2–3 об.].

Начал новый директор с того, что сразу же (12 марта 1894 г.) просил Историко-Филологическое отделение Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН) дать ему

«право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея»

по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома» [Там же. Л. 2].

Благодаря введенному в 1898 г. институту корреспондентов МАЭ музей обогатился коллекциями из разных стран мира, но индийских вещей среди них было немного. Из скудных бюджетных сумм выкраивались средства и на содержание музея, и на покупку предметов. В.В. Радлов, изучив опыт музеев Европы, вводил в Санкт-Петербурге многие новшества, которые принесли ему успех. Выработывался научный подход к сбору и хранению коллекционных материалов и устройству музея, было положено начало разбору и каталогизации уже существовавших коллекций, продумывались план и методика новых сборов.

Пополнение коллекций различными путями было постоянной приоритетной задачей.

Как уже сообщалось выше, в 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию И.П. Минаева у его племянниц и наследниц В.П. и А.П. Шнейдер (274 пр. — бронзовые бурханы, иконы на холсте, другие культовые предметы, ритуальная утварь) [Музей антропологии и этнографии... 1917: 248]. Коллекция была зарегистрирована под № 226. Это были первые южноазиатские приобретения музея — в основном из Непала (а также из Бирмы). Иван Павлович Минаев (1840–1890) являлся основателем русской индологической школы. Известный буддолог, знаток древних индийских языков, блестящий филолог, он фактически может считаться также родоначальником этнографической индологии в России. Именно он призывал изучать, кроме классической индийской древности, как он выражался, «живую Индию», т.е. реально существующий уклад жизни, живые языки, фольклор. И сам он в своих трудах сделал первые шаги в этом направлении. Его последователями считали себя участники уникальной этнографической экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию 1915–1918 гг. супруги Мерварт — Герман Христианович (в 1916 г. он принял православие и имя Александр Михайлович) (1884–1932) и Людмила Александровна (1888–1967).

Коллекция № 226 поступила в МАЭ, к сожалению, после безвременной кончины И.П. Минаева от неизлечимой болезни и поэтому не имела комментариев собирателя. Она все еще недостаточно изучена, но некоторые ее экспонаты представлены в экспозиции «Народы Южной Азии». Только спустя девять или десять лет был зарегистрирован любопытнейший экспонат, привезенный И.П. Минаевым с Цейлона: лук веддов, автохтонов острова (коллекция № 813) [Зими́на 2015].

В том же году для музея были куплены у К.И. Вебера оригинальные веера из Цейлона и Индии.

Одно из первых крупных индийских коллекционных собраний поступило в МАЭ от императора Николая II в 1897 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 1. Л. 14]. Ранее, 9 декабря 1894 г., по предложению Августейшего Президента Императорской Академии наук Великого Князя Константина Константиновича, было принято решение *«передать в МАЭ предметы, привезенные Государем Императором в бытность его Наследником Цесаревичем из своего путешествия на Восток в 1890–1891 гг.»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 31. Л. 15]. Индийские предметы распределились по трем коллекциям — № 308, 309 и 312 (всего около 250 единиц). Здесь наличествуют предметы культа, быта, художественные ремесленные изделия, статуэтки (типы населения), а также великолепные образцы традиционного оружия, богатый шахматный столик, модель оригинальной лодки. Предметы из Сиама и Сайгона (до 70 единиц) объединены в коллекцию № 310.

Другая крупная царская коллекция стала тогда началом европейского отдела МАЭ. 29 апреля 1897 г.

«Государю Императору благоугодно было повелеть передать в Этнографический Музей при Императорской Академии наук находящиеся в Зимнем Дворце коллекцию одежд, поднесенную Болгарским народом в Бозе почившему Императору Александру II, по случаю 25-летия Его Царствования, 19.02.1880 г.» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 1. Л. 14].

20 декабря 1899 г. Министерство Императорского Двора уведомило ИАН, что из Императорского Эрмитажа передаются в МАЭ костюмы (бурятский, мингрелский, греческий (в другом варианте документа — албанский. — *Авт.*), черногорский — мужской и женский на манекенах с подставками, три татарских шелковых кафтана, две чохи Синдского Раджи (Tschoha — robes de Rajah), кашмирская шаль [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 58, 77–78].

16 февраля 1900 г. В.В. Радлов сообщил Историко-Филологическому Отделению ИАН, что Берлинский Этнографический Музей отдает МАЭ по обмену две большие коллекции из дублетов (Африка; Южная Азия — Индия, Сиам, Зондские о-ва). Мена была расценена как крайне выгодная. Прием дублетов в Берлине и составление их списков было поручено старшему этнографу МАЭ Д.А. Клеменцу (1848–1914) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 53. Л. 168–170].

В южноазиатский фонд МАЭ в результате поступило две коллекции собирателя Ф. Ягора (1816–1900): № 604 (украшения из Северо-Западной, Восточной и Южной Индии) и № 609 (цейлонская керамика), всего — более 50 номеров, около 100 предметов. Ранее (вероятно, хлопотами В.В. Радлова) в МАЭ через Берлинский музей народоведения поступила в дар еще одна коллекция этого собирателя (№ 293, поступление 1895 г.), содержащая индийские предметы культа и бытовые вещи (одежду, ткани, украшения, а также оружие [Соболева 2016]) — более 70 номеров, свыше 100 предметов.

Начиная кампанию по увеличению бюджетного финансирования, В.В. Радлов писал 3 января 1898 г. в записке министру финансов:

«В нашем музее оставили следы своих трудов великие русские исследователи и путешественники прошлого и текущего столетия — материалы для истории русской науки, памятники ума, бесстрашия и усердия ее работников. У нас хранятся фактические свидетельства живого и сердечного

отношения и этнографической науки Русских государей, начиная с Великого Петра и оканчивая ныне благополучно царствующим Государем Императором — Николаем Александровичем. Коллекция вещей и принадлежностей быта, поднесенных Болгарией, из 25 местностей Княжества, Освободителю своему, императору Александру II, коллекция из путешествия Государя Императора Николая Александровича, в бытность его Наследником Престола, помимо своего высокого научного значения, представляют собою целые страницы Русской Истории» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 53. Л. 7].

Последовательная политика по сортировке, учету и каталогизации старых коллекций давала В.В. Радлову все больше оснований утверждать, что МАЭ более, чем все другие наши музеи, осененные именем Петра Великого, связан с его Кунсткамерой и Кабинетом. По инициативе В.В. Радлова накануне празднования двухсотлетия Петербурга 13 ноября 1902 г. было возбуждено ходатайство о переименовании Музея. 21 декабря 1902 г. «Государь Император Высочайше соизволил [дать согласие] на наименование Музея по Антропологии и Этнографии ИАН “Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого”» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Ед. хр. 90. Л. 4].

В 1901 г. началось переоборудование Музея новой выставочной мебелью, в 1902 г. к зданию была добавлена пристройка со стороны двора (прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь поступающих вещей). Это позволило увеличить количество экспонируемых вещей и включить музей в систему народного просвещения.

В итоге «комиссия для осмотра переустроенного Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого в составе: председатель — В.В. Латышев, члены — академики К.Г. Залеман, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Чернышев — осмотрела новые экспозиции 25 ноября 1903 г. и разрешила его открыть после публикации нового “Путеводителя”,

что и было сделано» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 166].

Большую роль в эти годы в развитии индологического направления российской этнографии играл Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, он преподавал на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, а также являлся председателем этнографического отделения Императорского Русского Географического общества, с 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. С.Ф. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма (который располагался в верхнем зале музея). В 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. он также руководил академическими экспедициями в Западный Китай и Восточный Туркестан. Непременный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг., в 1916 г. С.Ф. Ольденбург стал директором Азиатского музея.

Рядом с директором МАЭ с 1902 г. находился его соратник и помощник — Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). И не только он. Новые радители музея считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Выставки музея они хотели превратить в подлинно научное пособие по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Однако вернемся к «индийской части» музея.

Итак, с 21 декабря 1902 г. Музей по Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук стал Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253]. Обретение нового — повышенного — статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему дотации и спонсоров.

Дирекция МАЭ оказывала помощь создававшемуся в Петербурге Этнографическому отделу Русского Музея Императора Александра III (ныне — Российский этнографический музей). В 1904 г. Комиссия, выбранная III-м Отделением Императорской

Академии наук, в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга,

«обсудив вопросы, возбужденные в письме Великого Князя Георгия Михайловича касательно разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического Отдела Музея Императора Александра III и состоящего при Императорской Академии Наук Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, пришли к заключению, в частности, что:

<...>

2. Назначение Академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности.

3. Что касается Этнографического Отдела Музея Александра III, то, судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; по этому самому цель его — скорее практическая, патриотическая. Его цель — представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею. Каковы бы ни были достоинства этой картины, но в научном отношении она по необходимости всегда будет страдать некоторою отрывочностью, именно благодаря принципу территориальности. Ламаизм, например, будет оторван от своего индийского собрата — буддизма и брахманизма, тюрки и арабы будут оторваны от соплеменников африканских, чукчи от своих американских сородичей, евреи европейские от азиатских и африканских и т.д.

<...>

6. Музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования

поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. Музей добился суммы в 3000 руб. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем музей Императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40 000 руб. на приобретение коллекций» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 55. Л. 15–16 об., 19].

С.Ф. Ольденбург и впоследствии неоднократно вовлекался в дела, связанные с вышеуказанными музеями. Так, В.В. Радлов, К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург как члены Комиссии по вопросу об упорядочении академических изданий на заседании Общего Собрания ИАН 14 октября 1906 г. высказались в пользу перемещения Книжного склада с первого этажа здания по Таможенному пер. и упорядочения помещения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 68]. Это помещение было передано МАЭ, и там были развернуты американские экспозиции.

С.Ф. Ольденбург даже неоднократно принимал на себя обязательства по руководству МАЭ, в 1907 г., пока В.В. Радлов был в командировке [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 356], затем — в 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 366]. А сам В.В. Радлов был председателем Выборной Комиссии по избранию С.Ф. Ольденбурга, экстраординарного академика, в ординарные академики по литературе и истории азиатских народов [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 385 об.].

Ученые поддерживали друг друга и в науке, и в жизни в непростых обстоятельствах, когда всегда ощущался дефицит средств, а целесообразность спонсирования научных задач каждый раз приходилось специально доказывать. Когда 12 мая 1918 г. ординарный академик Василий Васильевич Радлов скончался, С.Ф. Ольденбург опубликовал некролог в «Известиях» Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 45 об.]. Затем

С.Ф. Ольденбург как директор Азиатского музея ассигновал из сумм Музея 6 тыс. руб. на уплату за приобретенное для музея собрание книг и журналов от Александра Васильевича Радлова, а академик В.В. Бартольд (директор МАЭ после В.В. Радлова) выделил на эти же цели 6 тыс. руб. из сумм МАЭ [Там же. Л. 486 об.].

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов в него, который начался с 1897 г., в основном происходил из Центральной и Восточной Азии (фрески и другие образцы древнего буддийского искусства, преимущественно собранные участниками упомянутых выше Туркестанских экспедиций). Эта тематика интересовала многих зарубежных специалистов, в том числе немецкого профессора А. Грюнведела, который неоднократно участвовал в соответствующих российских археологических экспедициях и собрал экспонаты для Берлина. В 1908 г. он был избран иностранным почетным членом-корреспондентом Императорской Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 415].

Восточноазиатский и Европейский отделы МАЭ росли особенно интенсивно и систематически. Иначе обстояло дело с индийским и индокитайским отделами, но теперь положение начало изменяться.

«Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–2 предметам (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Стаэль фон-Гольштейна и русского консула Некрасова в Бомбее поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиамы, Китая и Япо-

нии, собранной Н.И. Воробьевым — таким образом, и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хэйт, купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей антропологии и этнографии... 1907: 87, 88].

В отчетах МАЭ этого периода об южноазиатских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено.

Тем не менее сдвиги и здесь действительно происходили. В 1902 г. зарегистрирована (а значит, подготовлена к экспонированию и введению в научный оборот) коллекция № 710, поступившая в дар от барона П.Л. Шиллинга фон Канштадта (1796–1837) еще в 1841 г. и содержащая индийские предметы буддийского культа (три номера). Коллекция № 731, купленная у упомянутых братьев Хэйт из Бомбея, содержащая очень простые, но редкие предметы (костюмы, украшения рыбаков из Махараштры, а также куклы, изображающие представителей этой касты — 20 номеров), зарегистрирована в 1903 г. В том же году в коллекции № 743 зарегистрирована шкатулка из слоновой кости от неизвестного дарителя, из старинных коллекций МАЭ (возможно, из собрания самого Петра I). В коллекции № 744 — подарок доктора И.А. Штуцера: 15 пластин слоновой кости из Цейлона (материал для ремесленных поделок).

В 1904 г. в дар музею от российского консула в Бомбее В. Некрасова поступили 20 фигурок, изображающих типы индийского населения, а также чучело кобры (коллекция № 849, 21 номер); от директора Кавказского музея в Тифлисе А.Н. Казнакова — предметы индуистского и буддийского культов (коллекция № 889, 47

номеров), в 1912 г. зарегистрирована поступившая от него же коллекция вееров и сумок из Индии и Цейлона (№ 1964, 4 предмета).

В 1905 г. через Русское Географическое общество поступил предмет (коллекция № 902), до сих пор являющийся своеобразной «визитной карточкой» МАЭ: огромная фигура демона — стража входа с Цейлона (ныне Шри Ланка), которая была установлена в вестибюле музея. Существует предположение, что этот экспонат входил в число даров, поднесенных наследнику русского престола Николаю Александровичу во время его путешествия по Востоку.

Похоже, в это время был брошен клич среди востоковедов и интеллигенции Петербурга (и не только) по возможности способствовать пополнению коллекций МАЭ. Забота об этом становится престижным деянием. Академию наук, судя по всему, любили, считалось важным делать дары в академические музеи. Приходят дары (в том числе из Германии), а также поступают и предложения о покупках.

От молодого преподавателя университета санскритолога барона А.А. Сталь-фон-Гольштейна (1877–1937) в 1904–1908 гг. поступили в дар МАЭ четыре коллекции (№ 847, 905, 914 и 1776, около 50 предметов): индийские глиняные сосуды, фигурки типов населения, мраморное изображение Ганеши, образцы вышивки. Собиратель спешил с дарами и часть предметов прислал из Индии через С.Ф. Ольденбурга.

В 1907 г. получен дар от Германа Мейера (1871–1832) из Лейпцига (коллекция № 1180): 50 театральных масок (дерево, краски, лак), связанных происхождением с народным демоническим культом сингалов — основного населения о-ва Цейлон. Это собрание теперь является гордостью МАЭ: маски старинные, некоторые не имеют аналогов ни в каких других музеях мира. Позже, в 1911 г., в Индийском фонде МАЭ появилась еще одна маска — дар господина Чослева (коллекция № 1842).

В 1908 г. приват-доцентом Санкт-Петербургского университета А.С. Щепотьевым преподнесены музею два лубочных образа индуистских божеств (коллекция № 1308). Точнее, «А.С. Щепотьев

15 октября 1908 г. принес в дар Академии два лубочных индийских образа, приобретенных им в Мадуре в апреле сего года. Историко-Филологическое Отделение ИАН приняло решение передать лубки в МАЭ и выразить дарителю благодарность Академии» [СПФ АРАН. Ф.1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 392 об.).

От известного ботаника В.И. Липского (1863–1937) в этом же году поступила цейлонская щетка из волокна кокосового ореха (коллекция № 2093), от Вл.Вл. Святловского (1869–1927) — модель цейлонской лодки (коллекция № 1616).

В 1911 г. поступают в дар пять предметов индийского искусства от статского советника А.А. Адамова (коллекция № 1844), слон черного дерева от В.Ф. Брошеля (коллекция № 2010). Через Музей Удельного ведомства получена содержательная коллекция индийских предметов быта и культа (№ 1907, 107 номеров), собранная известным русским географом, ботаником и путешественником Андреем Николаевичем Красновым (1862–1914).

Г. Функсон в 1913 г. подносит в дар музею редкостные предметы: лук, колчан и стрелы одного из ассамских племен (нага) Индии (коллекция № 2096, 19 предметов).

Некоторые экспонаты появляются в результате обмена с другими учреждениями: например, из Ботанического сада поступает сингальская керамика, а также цейлонские предметы для сбора чая, которые были зарегистрированы в 1909 г. (коллекция № 1367, 24 номера). Собирателем этой коллекции был упомянутый выше В.И. Липский.

МАЭ постоянно ищет и находит новые возможности для пополнения южноазиатских фондов. Так, отставной унтер-офицер морской службы Иван Семенов предложил музею приобрести модели судов с Цейлона и Мадагаскара [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 332]. В 1905 г. это собрание поступило в МАЭ (коллекция № 941). Оно оказалось весьма ценным: два предмета, входящие в его состав, говорят нам о народных традициях мореплавания в тропических широтах [Лебедева, Соболева 2015].

В 1906 г. приобретена, а частично подарена, коллекция (зарегистрирована под № 1044) от сотрудника МАЭ Н.И. Воробьева,

содержащая музыкальные инструменты, игрушки, образцы плетения сингалов и тамиллов Цейлона — всего 80 номеров. Н.И. Воробьев был специально командирован музеем на Цейлон для сборов этнографического материала. «[Т.К.] Чоков, и.о. консула, оказал ему содействие» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 59. Л. 57 об.]. Некоторые из этих предметов и теперь представлены в экспозиции МАЭ.

В 1907 г. приобретены у г-жи С.А. Таренецкой две статуэтки, изображающие индуистских божеств (коллекция № 1224, регистрировал Н.И. Воробьев). В 1911 г. куплена индийская сабля у И.С. Таборовского (коллекция № 2011), а в 1913 г. — два цейлонских кинжала (у г-жи Пуаре, коллекция № 2209). В 1912 г. у инженера Гаспара Ратнера из Лондона МАЭ приобрел 18 литографий с изображениями индуистских божеств (коллекция № 2236).

Несмотря на случайный характер источников поступления, прослеживается тенденция приобретать предметы, характерные для культуры региона. И это не только тенденция, но и принцип. Потенциальным собирателям коллекций сотрудники МАЭ в этот период посылали инструктивные письма, давали консультации. Эти советы превращали даже далеких корреспондентов в исследователей, которые накапливали ценный, нередко монографический научный материал, особенно по сибирскому искусству. Этот опыт переносился и на собирательство за рубежом.

Приведем пример подобного письма от 9 декабря 1899 г. «от исполняющего должность старшего этнографа Музея» Д.А. Клеменца самаркандскому уездному врачу Константину Евгеньевичу Островских, который предложил свои услуги по собиранию этнографической коллекции среди узбеков, таджиков, бухарцев, но не определил условий сотрудничества.

«Музей не предлагает денежный аванс: перерасход бюджета, не знакомы с Вами и с коллекциями.

Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами,

и уплата по представленному Вами счёту их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые, на основании Устава ИАН и § 60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно.

Музей интересуется, прежде всего, домашней обстановкой, промыслами и занятиями населения. Все самодельное ценно для нас, все покупное и привозное имеет мало значения. Дорогих изделий Музей приобретать не имеет средств; нам доступно только повседневное.

Желательно было бы иметь орудия земледелия местной работы, изделия из кожи, образцы тканей. Справьтесь, сколько могут стоить ткацкие для тканей и ковров, пряжи для выпрядения ниток бумажных и шерстяных, красильные вещества.

Очень интересны были бы сартовские колыбели: нет ли разницы в устройстве колыбелей между разными народами. Важны очень детские игрушки и игры взрослых. Ещё большее значение могли иметь принадлежности дервиша.

Из деревянных поделок могут быть удобны только негрозодкие вещи, важнее других между прочим производство горшочков. Равным образом, конечно, имеет большое значение одежда, особенно женская и детская.

В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обязали бы Музей, если [бы] узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам.

И.Д. ст. этнографа Музея Д. Клеменц» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 52. Л. 83–86].

Благодаря активной разносторонней деятельности своих сотрудников музея в этот период удалось установить отношения со многими профильными учреждениями страны.

Так, в Музее Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества (Омск) имелся костюм син-

галезского / сингальского рыбака — единственный предмет из подобного рода коллекций.

«Ввиду этого Распорядительный Комитет Западно-Сибирского Отдела ИРГО, имея в виду, что в Музее Академии имеется во всяком случае более полная коллекция подобного рода, постановил принести в дар Музею Академии наук выше упомянутый костюм сингалезского рыбака, каковой и препровождается».

Предмет был получен 21 октября 1901 г., о чем 24 октября доложено Академии, чтобы выразить благодарность отделу [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 50. Л. 169, 175]. В дополнение 13 декабря 1901 г. в МАЭ препровождались шляпа и сандалии к этому костюму [Там же. Л. 175]. 24 октября 1901 г. Западно-Сибирскому ОИРГО была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1901. Ед. хр. 148. Л. 312 об.].

В реальности, это было только начало формирования цейлонской коллекции. Позже целая серия предметов пополнила цейлонский отдел музея.

4 сентября 1902 г. Великая Княжна Ксения Александровна просила для Первой Международной выставки исторических и современных костюмов выдать одежду русских и других из дублетов, обязуясь вернуть их [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 101]. По завершении выставки МАЭ получил и все подаренные организаторам этнографические объекты, также манекены. Среди них имелись цейлонские и индийские коллекции от братьев Хэйт, в частности коллекция, посвященная касте рыбаков Махараштры (упомянутая коллекция № 731, 20 номеров) [Русско-индийские 1999: 110–113].

27 мая 1903 г. академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что за последние два месяца текущего года профессором доктором Гансом Мейером (1858–1929) из Лейпцига принесены в дар МАЭ три очень ценные этнографические коллекции: кол-

лекция предметов быта жителей Новой Зеландии, состоящая из 35 вещей; коллекция предметов одежды народов Индокитая, состоящая из 170 вещей; коллекция костюмов бомбейских рыбаков, состоящая из 26 вещей.

«Ввиду значительных заслуг проф. Ганса Мейера по отношению к Музею, академик В.В. Радлов просил Отделение решить выдать проф Мейеру диплом корреспондента Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 130.).

3 июля 1904 г. Государь Император Николай II пожаловал Гансу Мейеру орден Св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми украшениями.

Характерно, что этот трудно добываемый этнографический материал не только обрабатывался, но и, судя по всему, выставлялся. Так, из аванса МАЭ на март 1908 г. (200 руб.) было приобретено *«20 аршин полотна для экрана для Цейлонских масок»* — 21.03.1908 МАЭ оплатил счет Герчина на 5 руб. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Ед. хр. 29. Л. 71 об.]

Казна музею помогала недостаточно. Коллекции поступали как пожертвования частных лиц и покупались на месте. До 1907 г. МАЭ не имел возможности организации самостоятельных экспедиций (а это, по убеждению В.В. Радлова, было единственной рациональной формой собирательства) [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 54. Л. 37].

И все же было сделано немало, и это позволило наконец-то в 1909 г. указать Индию как область, *«требующую исполнения обязанностей специального сотрудника МАЭ»*. Объясняя необходимость увеличить штат, директор В.В. Радлов сетовал, что *«один младший этнограф охватывал: славянские народы России, Китая, Японии, Индии, Сиамы, Археологию. При этом дирекция еще не искала специалиста-индолога, эти обязанности предполагалось возложить на сотрудника, который будет изучать “культурные народы Азии”»* [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 92–93 об.].

С 1905 г. переписку с собирателями о приобретении, затем — об обмене коллекциями стал вести Л.Я. Штернберг. Объем корреспонденции и география деловых контактов быстро расширились. Некоторые контрагенты даже обращались к Л.Я. Штернбергу «*Господин Директор*». Наибольшую для МАЭ актуальность представляли коллекции и отдельные предметы из Африки и Америки, которые заполняли лакуны в коллекциях. Приобретение южноазиатских предметов в этот период составляло скорее исключение, чем правило. Заметим, что одновременно активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии, где целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили отделы в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др.

История индийского отдела Азиатского музея переключается с историей МАЭ. Азиатский музей был устроен в 1818 г. академическим хранителем Д. Функом во флигеле Главного здания Академии, обращенном к Университетской линии. В 1903 г. Азиатский музей переместился в новое помещение. Тогда даже обсуждался проект разместить его в Библиотеке Академии наук, поскольку Азиатский музей представлял собой скорее библиотеку, чем собственно музей. Там хранились рукописи на восточных языках, книги о странах Востока (в том числе по Египту и Африке), восточные монеты, камни и предметы с надписями. Этнографические предметы, которые первоначально были переданы из Кунсткамеры в Азиатский музей, позже вернулись в Этнографический музей. Дирекция МАЭ, в свою очередь, регулярно передавала профильные предметы в Азиатский музей.

Академик В.В. Радлов возглавлял Азиатский музей в 1885–1890 гг. 2 мая 1907 г. он вновь принял заведование Азиатским музеем на время пребывания академика К.Г. Залемана за границей [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 338 об.].

В академическом Азиатском музее *«скромное собрание рукописей на индийских языках пополняется случайными и редкими поступлениями, отчасти копиями, заказанными в Индии для*

*работ русских индологов». В 1914 г. каталог этих рукописей готовил к печати Н.Д. Мионов. В своих отчетах Азиатский музей указывает пожертвованную бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном в 1906 и 1908 гг. коллекцию из 178 санскритских и одной пенджабской рукописей, а также одну на неизвестном наречии. В 1907 г. скончался в Ашхабаде индийский торговец Хаса-Джас, от которого было получено 24 рукописи. В 1910 г. за 1000 руб. куплено 15 единиц хранения от Н.И. Воробьева (Сиам, Цейлон). 16 тамильских рукописей в 1913 г. прислал М.С. Андреев. Но самым драгоценным достоянием считались древние рукописи, добытые в Китайском Туркестане («буддийский сборник изречений *Dharmapada* на пракритском языке, писанный на березовой коре, являющийся, по всей вероятности, древнейшей из известных доселе индийских рукописей; приобретен для генерального консула в Кашигаре Н.Ф. Петровского»). Значительная часть этих рукописей была описана и издана С.Ф. Ольденбургом [Музей антропологии и этнографии... 1917: 230–233].*

В 1909 г. общее количество вещей в МАЭ выросло почти втрое (увеличившись на 8 тысяч предметов только за последний год). Предметов из Южной Азии было по-прежнему мало. Они находились в ведении младшего этнографа Б.Ф. Адлера (1874–1942), который одновременно должен был заниматься славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, а также археологией [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 93 об.]. Предполагалось, что в дальнейшем в музее будет введена штатная единица специалиста по культурным странам Азии. Но особых планов по изучению Индии в МАЭ пока не строилось.

В 1909 г. произошло очень важное для МАЭ событие: по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного Совета был создан Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Первое заседание Совета состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена Ф.Ю. Шотлендера (1851–1914) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910.

Ед. хр. 157. Л. 362.]. Личный состав Совета постепенно пополнялся. Почетным Председателем в 1912 г. стал *«Его Императорское Высочество Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский»*. За первые четыре года Совет выделил на нужды МАЭ 136 тыс. руб.

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развешиванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. К сожалению, этот аспект истории МАЭ до сих пор исследован очень мало.

С помощью Попечительного Совета (а именно на средства Ф.Ю. Шотлендера) в том же 1909 г. был создан новый отдел. В записке В.В. Радлова Государю Императору, доложенной на Историко-Филологическом Отделении, предлагалось к трехсотлетнему юбилею Дома Романовых (к 1913 г.) открыть Галерею Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имеющие отношение к особе Петра I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции был специально надстроен третий этаж [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1909. Ед. хр. 8. Л. 2). Заведующим этим отделом 6 октября 1910 г. был избран надворный советник Н.И. Воробьев, ранее предложивший идею создать в МАЭ Галерею Императора Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910. Ед. хр. 157. Л. 397 об.]. Создание этого отдела имело для развития МАЭ огромное значение. 5 марта 1913 г. Галерею Императора Петра I посетил император Николай II. Он поддержал проект передачи МАЭ исторического здания Кунсткамеры после вывода оттуда Библиотеки Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 464 об.], что и было реализовано в 1923 г.

Личные вкусы и интересы попечителей позволяли сотрудникам музея привлекать их к широкому спектру программ. Так, почетные члены Совета причисленный к Государственной Канцелярии дворянин Борис Александрович Игнатъев (1887–?) (*«утвержден в сем звании Августейшим Президентом ИАН 12 декабря 1913 г.»*) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 44. Л. 27] и текстильный фабрикант Карл Карлович Шейблер (1888–

1934) (утвержден 24 февраля 1914 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 44. Л. 31 об.] имели в числе приоритетов Индию.

Обменных коллекций из Индии другие музеи (кроме Берлинского музея народоведения) больше МАЭ не предлагали. Музею требовались цельные, научно собранные и описанные собрания. Наилучшие результаты, по мнению В.В. Радлова и других устройств музея, мог дать только «экспедиционный» способ приобретения коллекций.

В 1910-е годы МАЭ удалось начать целенаправленную работу по приобретению коллекций в Южной Азии. Одновременно несколько человек предложили свои услуги в этом плане.

Завязал деловые отношения с МАЭ Джон (Йон) Гагенбек (1866–1940), младший брат знаменитого гамбургского торговца дикими животными Карла Гагенбека. Сбежав в юном возрасте из дома в Южные моря, он сделал там успешную карьеру как торговец перламутром. Поселившись в 1891 г. на о-ве Цейлон, он прожил там 25 лет и заложил базу первого зоопарка в районе Коломбо (Дехивала). Письмом из г. Коломбо от 7 марта 1912 г. Дж. Гагенбек предложил МАЭ приобрести этнографическую коллекцию с Андаманских островов (49 предметов культа, оружия, украшения, среди которых есть экземпляры ценные и редкие) за 750 марок, а также недорого — цейлонские маски и оружие [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 30 об.]. Как свидетельствует письмо от 28 мая 1912 г., он согласился на сумму в 500 марок, которые МАЭ должен был перевести Карлу Гагенбеку в Штеллинген, и даже организовал перевозку четырех ящиков в Гамбург и далее в Петербург [Архив описи МАЭ № 1997]. Эта андаманская коллекция МАЭ № 1997 состоит из 91 предметов [Соболева 2007: 179–203].

К 300-летию Дома Романовых в Главную Дирекцию Императорского Русского Географического общества поступило 24 индийских музыкальных инструмента от Радж-Кумар Шиама Кумар Тагора из Калькутты. Была создана комиссия для их оценки, и 24 сентября 1914 г. вещи было решено передать в Консерваторию [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 45].

Рис. 1. Портрет М.С. Андреева (СПФ АРАН. X. Оп. 1-А. Д. 116. Л. 1)

В 1905–1914 гг. МАЭ завязывает и отношения с Михаилом Степановичем Андреевым (1873–1948), служившим некоторое время при Императорском Генеральном консульстве в Бомбее. Подробности этих отношений будут изложены в последующих разделах. В те годы для музея российских товаров при консульстве ожидали присылки экспонатов от ситцевой мануфактуры К.К. Шейблера, позже ставшего попечителем МАЭ [Шуваева 2000]. И сам М.С. Андреев становится собирателем коллекций для МАЭ. Заинтересовавшись образцом старинного индийского зодчества (богатый резной деревянный дом в городе Насик, Махараштра), он приобрел наиболее сохранившуюся его часть на собственные деньги и, по рекомендации профессора Ф.И. Щербатского¹, отправил этот редкий экспонат в МАЭ (коллекция № 1789). Впоследствии музей с помощью М.С. Андреева смог обрести еще две уникальные (и в этнографическом, и в художественном отношении) коллекции. Это собрание южноиндийских деревянных рельефов (части священной храмовой колесницы) и металлической пластики (почти 300 ценнейших предметов, коллекция № 2055) и содержательный комплект бытовых предметов из Южной Индии (коллекция № 2814).

Когда группа слушателей Петербургского Психоневрологического института собралась отправиться в научную экспедицию в Индию и Японию, руководство МАЭ ходатайствовало о них перед Правлением Добровольного Флота. И 20 марта 1913 г. студентам было предоставлено право проезда от Одессы до Владивостока и остановки в попутных портах за плату со скидкой 25 % от установленной тарифом. В поездку собирались Борис Эйсурович, Даниил Лурье, Генрих Шлегель, Антонина Кравцова, Сергей Гейман, Иван Казанский, Исаак Розенталь, Николай Щелкунов

---

¹ Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942) — видный российский и советский индолог и тибетолог, академик РАН с 1918 г., считается одним из основателей российской школы буддологии. Перевел и издал ряд санскритских и тибетских текстов. Пользовался авторитетом в научных кругах благодаря широкой эрудиции в области индоведения.

и Георгий Барметов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 68]. Сергей Вениаминович Гейман (1887–1975), мещанин Иркутска, передал в МАЭ предметы, собранные во время этого путешествия, в том числе и из Индии (коллекция № 2256, шесть номеров). А в 1914 г. он отправился в Южную Америку в составе так называемой Студенческой экспедиции, успешно там работал, собрал коллекции для МАЭ, поддерживал активную переписку с Л.Я. Штернбергом.

Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970), магистр персидской словесности, прибыл для сбора книг в Индию в 1913 г. К тому времени он уже приобрел для МАЭ несколько коллекций в Персии. 27 марта 1913 г. он писал из Калькутты:

«Милостивый государь! Из Персии мне пришлось совершить путешествие через Месопотамию и Персидский залив в Индию. Я теперь нахожусь в Калькутте, где и думаю побыть несколько месяцев. А потому я опять хочу предложить Музею свои услуги, по примеру прошлых лет, в качестве “коллектора”.

Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, — что именно собирать — Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь.

Конечно, редкостей здесь найти трудно — ведь сказывается Английское Правительство. Но “быт”, ежедневный, — очень богат и доступен.

Если Вы мне хотите это поручить, то я, на этот раз, буду просить об авансе — здесь я не (в) месте своей службы, как было в Персии, а странствую, а потому у меня свободных денег не имеется. Высылайте через Русско-Азиатский Банк почтой на Генеральное Консульство в Калькутте, для передачи мне, в английских фунтах и притом имейте в виду, что письмо идет 3 недели в один конец.

Я сам, вероятно, буду осенью в Петербурге и постараюсь выяснить все то, что будет не совсем ясно в письмах. В.А. Иванов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 105–106].

От В.А. Иванова поступили две коллекции: № 2429 (медные печати и планы городов, пять предметов) и № 2544 (лубочные изображения божеств и другие предметы культа, 16 предметов) — зарегистрированы соответственно в 1915 и 1916 гг.

Дирекция МАЭ выразила В.А. Иванову благодарность (правда, за персидские коллекции), но 21 апреля 1914 г. отказалась от его услуг, так как в это время в Индию на два года отправлялась экспедиция Мервартов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 358]. В 1914 г. В.А. Иванов был зачислен на временную работу в Азиатский музей ИАН, для которого впоследствии собирал рукописи и книги, в том числе и в Индии.

О южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, но в сводной таблице № 5 значит, что на 1913 г. в отделе Индии, Цейлона, Сиам и Бирмы числилось 39 коллекций и 1702 предмета (причем 1225 предметов были получены в дар, 472 куплены). До 1889 г. было известно всего о двух коллекциях, состоящих из пяти предметов (четыре — из Кунсткамеры, один получен в дар). Все имеющиеся вещи были уже зарегистрированы (кроме одного предмета) [Музей антропологии и этнографии... 1917: 297]. Для сравнения: всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 предметов [Там же. С. 292–293].

Изменилась система сборов этнографических материалов, началась, как мы уже упоминали, активная планомерная деятельность. Так, для сборов коллекций для МАЭ привлекались участники экспедиций Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (образован в 1903 г. под председательством В.В. Радлова). При этом многие командированные лица получали инструкции и подготовку в МАЭ (например, участники экспедиций академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и др.) [Там же. С. 258–259].

Наступает и новый этап в организации индологического направления в музее. Была задумана специальная экспедиция на Цейлон и в Индию. Этот замысел имел далеко идущие перспективы как в научном, так и в музейно-административном плане.

В.В. Радлов с самого начала своей деятельности в музее ратовал о расширении экспозиционных площадей МАЭ. Он стал Председателем Комиссии по переустройству библиотечного здания для приспособления его под помещения нескольких отделов МАЭ. Членами комиссии были С.Ф. Ольденбург, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, приглашенными — ст. этнограф Л.Я. Штернберг, архитекторы Г.Д. Гримм и С.М. Грузенберг. В.В. Радлов предполагал перевести в библиотечное здание бывшей Кунсткамеры отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии, Галерею Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 377, 382–382 об.].

В.В. Радлов свидетельствовал:

«Необычный рост Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого за последние годы приводит к необходимости принять самые быстрые и решительные меры к расширению ныне занимаемого им помещения. Все выставочные отделы Музея настолько переполнены, что дальнейшее размещение прибывающих коллекций стало совершенно невозможным. Между тем как экспедиции, так и частные пожертвования беспрерывно увеличивают число новых коллекций. Магазинное отделение Музея переполнено десятками тысяч предметов, оставшихся не выставленными за недостатком места. Уложенные в сундуки, которые нагромождены от пола до потолка, объекты становятся недоступными для обработки и обозрения специалистами. Ко всем этим затруднениям присоединяются отсутствие самых необходимых вспомогательных помещений для ученого персонала Музея. В настоящее время работают в музее постоянно человек 12, не считая случайных работников» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 379 об.].

Решался вопрос о выводе Библиотеки Академии наук из исторического здания Кунсткамеры (для книжных хранилищ строилось новое здание). В.В. Радлов предложил логичное и убе-

дительное обоснование права МАЭ на здание Кунсткамеры. Еще в 1910 г., открыв Галерею Петра Великого, он предложил продолжить увековечение темы императорского коллекционирования.

После того как от В.В. Радлова в 1913 г. поступило предложение о переводе ряда экспозиций МАЭ (отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии) в другое помещение [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 377, 382–382 об.], Почетный председатель Попечительного Совета А.Г. Романовский обратился к Историко-Филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе Галереи Петра Великого в переустроенное здание Кунсткамеры, а также *«о наименовании залы отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20].

Речь шла о тех самых коллекциях (около 250 индийских предметов), которые еще в 1896 г. были переданы в МАЭ, а привезены Николаем Александровичем в бытность его цесаревичем из путешествия на Восток в 1890–1991 гг. В основном это были образцы индийских ремесел: изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки. В составе этого собрания имелись также различные виды традиционного индийского оружия (катары, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем. Именно это собрание сочли главной базой для создания в МАЭ специального индийского отдела. Но эти предметы имели скорее художественно-историческую ценность.

Было учреждено Особое Совещание по обсуждению перестройки здания библиотеки АН (по докладу Министра Народного Просвещения 25 мая 1913 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 193]. Его членами стали архитекторы А.М. Мюллер и Р.А. Берзин, сотрудники МАЭ Л.Я. Штернберг и С.М. Дудин (задачу эту они решали с 1914 по 1922 г.) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170. Л. 234 об.].

Претендовать на освобождающееся здание Кунсткамеры МАЭ мог и вследствие своего бурного роста. Приведем выдержку из справки от 3 декабря 1914 г.

«В Канцелярию Русского музея имени Императора Александра III. Согласно просьбе Этнографического Отделения Русского Музея имени Императора Александра III, сообщаем следующие сведения.

1) Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого занимает площадь в 580 кв. саж. и 6 кв. аршин, заключая 7 зал, причем 1 зала в особом здании.

2) Количество предметов — до 150.000.

3) Служителей постоянных, обслуживающих все нужды Музея, как по охране и надзору за публикой, так по специальным работам при регистрации, фотографированию и т.п. — 9, причем в дни, когда Музей открыт для публики, прикомандируются из общей команды Академии 3 чел. Кроме того, имеется особый служитель для столярных работ.

4) Годовое число посещений до 30.000. Музей открыт круглый год 4 раза в неделю, 2 раза платно, 2 раза бесплатно, и кроме того для школ и экскурсий Музей открыт в всякое время.

Старший этнограф Л. Штернберг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 11].

Публика также проявляла к МАЭ повышенный интерес и выражала недовольство тем, что попасть туда было сложно. «Биржевые ведомости» 20 мая 1915 г. сообщали, что с 21 мая МАЭ опять закрывался на ремонт.

Показательна заметка Н.П. Ред «О музее Академии наук (письмо в редакцию)»:

«И это всё? За 50 лет? — спросил я. — Нет, — ответили мне. — Есть еще вещи на складе. Но они не разобраны. А, кроме того, недостаток помещения» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1915. Ед. хр. 8. Л. 14].

Экспонаты по Южной Азии отражали быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции по Южной Азии. Поэтому задача приобретения комплексов вещей, пригодных для экспонирования, была поставлена перед организованной МАЭ специальной экспедицией на Цейлон и в Индию (от которой тогда еще не отделились Пакистан и Бангладеш).

Весной 1913 г. был выделен отдел Индии, он стал самым «младшим» из отделов МАЭ. По новому замыслу, в МАЭ должны были создать и специальную индийскую экспозицию (под Индией в те времена практически имелся в виду весь регион Южной Азии) и посвятить ей особый зал. Реализация этого плана состоялась лишь в 1923 г.

В экспозиции собирались показать сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесленников, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии, образцы народного искусства. Для этого и была организована многолетняя экспедиция в Индию для изучения страны в лингвистическом и этнографическом отношениях, а также для собирания коллекций для МАЭ. Экспедиция эта была тщательно продумана и подготовлена. Несмотря на то что Первая мировая война застигла исследователей в самый разгар работы, несмотря на подозрительность местных властей и вынужденное удлинение сроков экспедиции при сокращении средств, работа была успешной. Г.Х. и Л.А. Мервартами были собраны ценные научные материалы и огромные этнографические коллекции по различным народностям Индии. Забегая вперед, скажем, что именно результаты этой экспедиции дали возможность создать задуманную экспозицию к 200-летию юбилею РАН.

27 марта 1913 г. В.В. Радлов обратился в Историко-Филологическое отделение ИАН:

«Считая необходимым устроить в Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления

этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, я с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору философии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Герману Христиановичу Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой мною экспедиции и отправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведеля. Ввиду этого прошу разрешить Конференции командировать г. Мерварта в Берлин с 1 мая с.г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 367 об.].

Отправленный за консультациями в Германию Г.Х. Мерварт сообщал В.В. Радлову 22 / 9 июля 1913 г., что в Берлине проф. Грюнвельд вдохновил его исследовать Цейлон, горы Нилгири, Внутренний Декан, Ориссу и Гималаи, особенно культуры [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 263–266]. В Мюнхене директор Королевского Этнографического музея Л. Шерман также рекомендовал ему изучать демонические культуры. Тем самым музеи разных стран сумели разделить между собой районы, в изучении которых они были особо заинтересованы, чтобы не распылять силы и не дублировать друг друга. В конце 1913 г. проф. Грюнвельд вновь посетил Санкт-Петербург и работал в его музеях как тибетолог и буддолог [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 376].

Итак, с 1 октября 1913 г. был принят на службу по вольному найму в МАЭ с жалованием 80 р. в месяц Герман Христианович Мерварт, «который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 81]. Но он был при-

числен к МАЭ только 1 февраля 1914 г., затем 28 апреля 1914 г. заочно избран на сверхштатную должность младшего этнографа и утвержден в ней 10 сентября 1914 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.].

В феврале 1914 г. личные средства на экспедицию супругов Г.Х. и Л.А. Мерварт предоставили члены Попечительного Совета Б.А. Игнатъев и К.К. Шейблер [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 12–14 об.; СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 271]. Этот крупномасштабный проект продлился гораздо дольше, чем планировалось. Вернуться на родину семье Мерварт удалось лишь в 1923 г.

Музей в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В течение полутора часов он подробно осмотрел все отделы, выразил одобрение по поводу образцового порядка и устройства, одобрил планы реставрации и переустройства библиотечного здания не позднее 1917 г., распределив отпуск необходимых сумм на три срока в течение 1915, 1916 и 1917 гг. Было решено отложить празднование 200-летнего юбилея Музея до окончания перестройки здания бывшей Кунсткамеры и открытия Музея в новом здании до 1917 г.

В.В. Радлов сообщал в Академию наук:

«Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением». Николай II «одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I».

Одновременно император *«изволил выразить Высочайшее соизволение наименовать залы отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 323–324].

Во время визита, считая галерею Петра Великого собственностью императорской фамилии, император также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию *«из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора»* [Там же. Л. 323–324].

Таким образом В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных планов и замыслов по расширению и усовершенствованию музея внимание членов правящей династии [Краснодембская, Соболева 2009: 257–266].

Личная заинтересованность самого императора в делах музея, по-видимому, сыграла немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции. Заметим, что Л.А. Мерварт до своего перехода в сотрудники музея служила *«преподавательницей немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 260].

26 марта 1914 г. в Отчете о деятельности Попечительного Совета о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого за 1913 г. сообщается, что перед новыми почетными членами Совета *«открываются новые щедрые перспективы»*.

«Борис Александрович Игнатъев, Губернский Секретарь, причисленный к Канцелярии Государственного Совета, Почетный Член Попечительного Совета Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, 28 мая 1914 г. выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции и затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. Считая эту поездку г. Игнатъева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатъева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед

Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 406].

4 / 17 июня 1914 г. ему был выписан от МАЭ Открытый лист [Там же. Л. 421]. Но Канцелярия МИД отказалась выдать ему дипломатический паспорт, так как Игнатьев оправлялся за границу не по Высочайшему повелению [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 42].

В продолжительную экспедицию на о. Цейлон и в Индию были командированы

«Л.А. и Г.Х. Мерварт, которым поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора. Экспедиция эта, богато снаряженная, очень успешно работала до января 1915 г. на о. Цейлон, после чего переехала в Мадрас, собрав большой научный материал и обширное собрание предметов, которое по случаю военного времени, пока, к сожалению, не может быть транспортировано и хранится в русском консульстве на Цейлоне.

На экспедицию Г.Х. Мерварта в Индию Б.А. Игнатьев выделил 13 825 руб. 14 коп.

На средства того же г. Игнатьева приобретена ценная коллекция С.Д. Андреева [правильно — М.С. Андреева. — Авт.] по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая. На коллекцию Игнатьев выделил 2035 руб.». [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 421–421 об.].

С начала Первой мировой войны Б.А. Игнатьев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного

Креста [Там же. Л. 420 об.], все же затем еще 2 тыс. руб. были выделены им (дополнительно к музейной субсидии в 6 тыс. руб.) экспедиции Г.Х. и Л.А. Мерварт в Индию.

История борьбы В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга за коллекции, усилия Академии наук по оплате их хранения за рубежом, помощь Мервартам и их возвращение в Музей отчасти уже были описаны [Краснодембская 1983], но, безусловно, заслуживают гораздо более основательного анализа и описания в будущем.

Попечители МАЭ получали награды в соответствии своему вкладу. Так, по докладу Почетного Председателя Попечительного Совета Его Императорского Высочества Князя Александра Георгиевича Романовского Герцога Лейхтенбергского по случаю посещения Его Императорским Величеством Музея К.К. Шейблер был представлен к чрезвычайной награде с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения.

«Почетный Член Попечительного Совета Карл Шейблер принес в дар Музею обширнейшие собрания, исключительные по количеству и научной ценности, по народам Индонезии и сверх того участвует в финансировании многолетней экспедиции в Индию, собирающей специально коллекции для вновь образуемого Отдела Индии имени Государя Императора. На возведение Карла Шейблера в потомственное дворянство, как видно из рескрипта Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбергского на имя Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества, последовало Высочайшее соизволение» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 41–42].

Но Первая мировая война оборвала многие планы. Помощь К.К. Шейблера прекратилась, поскольку он оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, был увезен как военнопленный в Германию [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 420 об.].

17 сентября 1916 г. по ходатайству МАЭ был выдан Открытый лист председателю Российского Теософского общества Анне Алексеевне Каменской для поездки в Индию с целью изучения местных религий, сбора предметов культа и быта [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 375]. А.А. Каменская собрала для МАЭ небольшую коллекцию металлической пластики (№ 2659, 15 номеров) и 1 октября 1917 г. вернула Открытый лист в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 71. Л. 54].

После революции 1917 г. ситуация с приобретением зарубежных коллекций резко изменилась. До середины 1920-х годов МАЭ удалось, преодолевая огромные трудности, сохранять коллекции в Петрограде, добиваться возвращения экспедиций и воссоединять разрозненные собрания. Проблема распределения предметов и доли индийских вещей в межмузейных обменах послереволюционного периода требует особого изучения.

Как видим, международное музейное сотрудничество в *«радловско-штернбергский период»* жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами, в котором одну из ведущих ролей играл Л.Я. Штернберг.

До недавнего времени казалось, что для осуществления подобных масштабных мероприятий было достаточно просветительских идей, а также энтузиазма В.В. Радлова и помощников. По умолчанию считалось, что финансирование новых проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялось Императорской Академией наук. Однако более тщательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков, и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний. Но эта тема отдельно рассматривается в рамках нашей публикации, поэтому обратимся к материалам (кстати сказать, еще почти не введенным в научный оборот), которые характеризуют и иные стороны деятельности МАЭ тех времен в отношении индологического направления.

В Попечительный Совет музея входили влиятельные люди, осуществлялись и дарения в МАЭ коллекций от иностранцев. К их числу относился, например, упоминавшийся выше профессор Герман Мейер из Лейпцига (ему МАЭ, в частности, обязан редкой коллекцией цейлонских масок).

Собирателей и дарителей избирали корреспондентами МАЭ, а за щедрые пожертвования и оказанные музеем услуги награждали российскими орденами.

Материальные вопросы, видимо, вообще было решать не просто. В переписке членов различных экспедиций с дирекцией МАЭ тема средств, субсидий, переводов всегда стоит достаточно остро. Так или иначе, В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг старались использовать любые возможности для приобретения новых коллекций. В документах, хранящихся в СПФ АРАН, обычно указывается, за счет каких средств осуществлялись эти сделки: в них перечислены суммы, ассигнованные Музеем на приобретение коллекций, частные пожертвования, целенаправленные покупки, дарения.

Способствовали пересылке индийских коллекций также Российские Генеральные консульства в Бомбее, Калькутте и Коломбо. Правление Добровольного Флота разрешило перевозить грузы ИАН бесплатно на своих пароходах, а Управление железных дорог давало МАЭ значительные скидки на провоз груза; оплата проезда участников экспедиций также оговаривалась особо.

Характерно для этого периода, что все участники этого необычайного по своей активности «музейного штурма» работали, как сказали бы теперь, «в тесной спайке». Очевидно, что они стояли на общей платформе, как настоящие единомышленники, поддерживали друг друга. Л.Я. Штернберг был ближайшим помощником директора, а в ряде случаев его заменял. Так, некоторые документы вместо В.В. Радлова подписывал Л.Я. Штернберг. Или в роли представителя музея выступал С.Ф. Ольденбург.

Вновь МАЭ обращается к теме пополнения коллекций в 1923 г. Непременный секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург доложил, что 25 мая 1923 г. утвержден Советом

МАЭ проект распределения отделов МАЭ в старом и отведенном ему новом здании [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 217 об.]. Для индийских коллекций отводился нынешний зал на втором этаже.

26 июня 1923 г. Непременный секретарь РАН сообщал, что МАЭ в обмен на музейные дублетные номера (отрезы бухарских, китайских, индийских, болгарских тканей, не имеющих научного значения) приобрел коллекцию персидских тарелок (24 пр.), киргизский свадебный головной убор (саукеле), персидское стекло (6 пр.), всего 46 номеров большого научного интереса [Там же. Л. 217 об.]. Но история выделения индийских предметов из фондов МАЭ требует особого исследования.

В 1925 г. в МАЭ при активном участии Л.Я. Штернберга, супругов Мервартов и других сотрудников была разработана концепция юбилейной выставки к 200-летию Академии наук и Кунсткамеры. Были выделены средства, в частности, на изготовление манекенов и моделей для новой экспозиции. Южно-азиатская тематика, наконец, получила в ней достойное место. Это стало возможно именно благодаря результатам экспедиций, в т.ч. с участием М.С. Андреева, Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мервартов.

Индийский отдел МАЭ был создан в самые краткие сроки. Он не уступал другим отделам МАЭ по объему и содержательности. Научные замыслы и принципы, впервые выработанные именно в *«радловско-штернбергский»* период жизни Музея, были положены в его основу.

Даже новых — богатых и систематически собранных — коллекций было бы недостаточно для полноценного показа этнографии и культуры многочисленных народов и народностей Южной Азии. К тому же для этого не нашлось бы и площадей (в музее попросту не хватало места). Поэтому был выработан тематический принцип в создании экспозиции. Экспонаты были разделены на два основные группы — предметы материального быта и предметы духовной культуры. Внутри каждой группы было намечено несколько отраслей, по каждой отрасли предметы были распределены по большим этнографическим областям.

Для отдела Индии был отведен нынешний зал здания Кунсткамеры на втором этаже. За него еще пришлось бороться. Музей в его старом здании не располагал необходимым помещением; помещение же, отводимое для этой цели администрацией Библиотеки РАН в новом здании, было недостаточно по площади и узости дверей. Директор и Секретарь МАЭ просили Правление РАН сделать распоряжение о предоставлении для отдела Индии *«двухсветного зала первого Отделения Библиотеки. При этом Музей необходимым считал объяснить, что возьмет на себя исполнение всех возможных для него условий, какие администрация библиотеки ему доставит, для совместного пользования этим залом, буде таковое неизбежно»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923 г.). Ед. хр. 3. Л. 118].

«Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций» 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для отдела Индонезии, раскрашенную и в парике [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Ед. хр. 20. Л. 151], 3 июня — 80 руб. за фигуру андаманца [Там же. Л. 160], 19 августа — 8 руб. 80 коп. за одну пару рук и одну пару ног [Там же. Л. 293]; Н. Дыдыкиной 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой [Там же. Л. 164]; А. Вернер 11 июля — 140 р. за работы для отдела Индии [Там же. Л. 225], 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног [Там же. Л. 295]. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для отдела Индии изготовила модели [Там же. Л. 317].

По ранним планам МАЭ, часть этого зала предполагалось отвести Индонезии. Однако первая экспозиция отдела Индии полностью заполнила этот зал. Экспозиция была размещена зеркально современной «Народы Южной Азии». Осмотр начинался со стороны Ротонды, левая половина зала была посвящена разным аспектам материальной культуры, домашнего быта, ремесла индийцев. Завершали эту часть экспозиции образцы первобытных культов.

Через портик из резного тикового дерева посетитель переходил на другую половину зала, посвященную духовной культуре

Индии. Эта часть экспозиции начиналась с показа «браминского» [индуистского — *Авт.*] культа: были выставлены части храмовой колесницы, а на подиуме в центре зала — модель такой колесницы. Экспонировались изображения божеств, относящихся к культу бога Шивы и разным воплощениям бога Вишну. Далее экспонаты характеризовали быт отшельников и факиров, паломничество, внешние признаки кастового и сектового деления населения. Последние 16 витрин были посвящены театру: цейлонские маски, фигуры малабарского народного театра катхакали, бенгальский театр марионеток, а также отдельно — музыкальные инструменты и образцы письменностей. Для этой экспозиции были изготовлены фигура молящегося брахмана, фигуры актеров.

В связи с открытием новой экспозиции А.М. Мервартом был написан специальный путеводитель, который представлял собой сводку современных знаний о культуре и верованиях народов Южной Азии. Основное внимание было уделено индуизму, но часть его была посвящена и буддизму, и истории появления и развития ранних народных культов, описывались их отличительные черты [Мерварт 1927].

Кроме того, директор МАЭ академик Е.Ф. Карский рекомендовал ИФО АН СССР 15 сентября 1926 г. напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг.» А.М. и Л.А. Мерварт вместе с другими отчетами по экспедициям [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175. Л. 161]. Этот «Отчет» вышел в свет в 1927 г. [Мерварт А.М., Мерварт Л.А. 1927].

Практический опыт, накопленный В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом в экспедициях и в ходе переговоров по приобретению коллекций из других континентов (Америки, Африки), очевидно, показал, что следует найти иной способ для пополнения коллекций азиатских. Южная Азия не была районом интенсивной музейно-собирательской работы зарубежных исследователей, и практика МАЭ в этом плане оказалась уникальной. Отечественные исследователи выработали свои методы полевой работы. Состав их коллекций наглядно это показывает. Не случайно

посетители МАЭ высоко ценят индийские коллекции академического музея, приветствуют их показ на временных выставках.

Нынешняя экспозиция «Народы Южной Азии» МАЭ (или «Индийская экспозиция», как ее по старинке и для краткости нередко называют сотрудники музея) оригинальна и по своему устройству. Она принципиально отличается от других экспозиций МАЭ. Уже при первоначальном ее строительстве пришлось отказаться от принятого в Музее способа размещения предметов по географическим областям, народам, а затем по их характеру и назначению. Как писал в своем путеводителе по созданному отделу Индии А.М. Мерварт, *«картина индийской культуры чрезвычайно пестра и включает в себе как самые различные этнические элементы, так и все степени человеческого развития»* [Мерварт 1927: 8].

В ходе дальнейшего развития МАЭ экспозиция по Южной Азии перестраивалась в 1949 г. Нынешняя выставка была создана в 1998 г. При этом основная концепция отдела «Народы Южной Азии» была сохранена [Подробнее см.: Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012].

Она выдержала испытание временем. Экспозиция стала меньше, количество вещей сокращено, исчезли некоторые разделы, но тематически экспозиция выверена так, что многие лакуны теперь оказались закрыты. В целом сохранена картина индийской этнографии. Других возможностей расширить экспозицию так и не было — не появилось новых выставочных площадей, не было возможности собрать новые полноценные коллекции. Пополнение фондов в минувшие десятилетия имело место, но носило случайный характер. В новых привозах преобладают редкости, выхваченные ценности. Однако новые собиратели старались целенаправленно пополнять недостающие разделы, а также стремились показать дальнейшее развитие культуры: что именно сохранилось, а что изменилось. Собрать полные коллекции по всем народам Южной Азии остается нереальной задачей: слишком велик регион, этническая специфика больших народов размыта, они практически не имеют этнографических музеев. В отноше-

нии малых народов положение благоприятнее: об их культуре больше материалов, им чаще уделяется внимание ученых.

Авторы современной экспозиции «Народы Южной Азии» сохранили благодарное уважение к трудам предшественников, которые не только заложили основы нашего этнографического собирательства, но и осуществили основное из того, что было ими задумано. Главные установки первоначальной экспозиции сохранены и до наших дней, несмотря на все перемены и усовершенствования, хотя выставка перестраивалась в 1949 и 1998 гг. Очевидно, что идеи В.В. Радлова по-прежнему плодотворны. Это доказывается и «индийской экспозицией» МАЭ, которая уже стала классической. Она реально приближает посетителей к миру Южной Азии, а экскурсоводам позволяет многое рассказать о культуре народов этого региона. Впрочем, нельзя не признать, что сложившийся «идеал» в значительной степени вынужденный.

Многие согласятся с тем, что экспозиция МАЭ «Народы Южной Азии» дает посетителю музея разнообразные направления раздумий, побуждает человека размышлять. Здесь чужой мир приходит в наш собственный и обогащает его. Образы музейной экспозиции приближают далекую культуру к нашему посетителю. Хотя, конечно, для любознательного человека осмотром экспозиции познание такой древней и сложной культуры не может ограничиться. Для понимания многих реалий этого специфического мира необходимы пространственные разъяснения, ибо диковинные (а то и самые простые) предметы многозначны, в этикетке же все написать невозможно. Поэтому предметный ряд на экспозиции теперь пополняется оригинальными аудио- и видеоматериалами. Высококвалифицированные специалисты-индологи, работающие в МАЭ, постоянно участвуют в расширении и углублении познавательной базы для посетителей Музея. Кроме собственно научных трудов, они пишут научно-популярные книги, читают лекции, вводят все новые экспонаты в научный и просветительский оборот, участвуют в подготовке экскурсий по отделу «Народы Южной Азии».